

18+

АНТОН РОМАНОВСКИЙ

УЧАСТОК

АНТОН РОМАНОВСКИЙ

Участок

«Издательские решения»

Романовский А.

Участок / А. Романовский — «Издательские решения»,

Это рассказ о дачнике Гоше, который попал на участок, где его ждали впечатления, которых он не искал. Встреча, которой лучше бы не случиться. И очень странный — а то и страшный — опыт, от которого невозможно отмахнуться. Даже когда всё уже закончилось.

Содержание

Участок	6
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Участок

Антон Романовский

© Антон Романовский, 2026

ISBN 978-5-0071-1018-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Участок

Гоша встал рано. Он решил убраться вдоль своего забора, который выходил на грунтовую дорогу. Там, среди свежей жёсткой зелени, всё ещё торчала прошлогодняя трава — серая, выцветшая, она не хотела уступать место новой. Кто-то уже накидал белесых бычков. Они лежали у самых кольев, будто их специально разложили — ровно, через шаг, и ни одного окурка в стороне.

Гоша вооружился старыми граблями, надел панаму — и вышел в свет. Он был ярким. Ярким до синевы. Таким, что воздух начинал дрожать над землёй, а тени казались чернильными пятнами. Всё вокруг смотрелось так, будто кто-то натянул на мир светофильтр: чуть выцвели краски, чуть сдвинулись контуры. Гоша пожалел, что забыл солнечные очки.

Было раннее утро, но тишина стояла совершенно не дачная — ни птиц, ни шума машин с трассы, ни звона чьей-то лопаты о камень. Только грабли шуршали по сухой траве. Трава убиралась с трудом: корни держали мёртвый дёрн, как старые канаты. Гоша тянул на себя, и каждый раз слышалось нечто среднее между шелестом и тонким свистом — будто сама земля не хотела, чтобы он здесь прибирался.

Гоше захотелось попить, и он направился к тонкой, старой трубе, торчащей из забора в десяти метрах от его ворот. Труба находилась на уровне полутора метров. Из неё струилась вода — питьевая, с лёгким привкусом ржавчины. От неё образовалась небольшая лужа и ручеёк. Лужицу окружали белые бабочки-капустницы, часть из них была почему-то раздавлена. Они сонно шевелили крыльями под звук струйки.

Гоша подошёл ближе и увидел: к трубе, нагнувшись, присосался человек. Спина — в сером расстёгнутом пиджаке, слегка великоватом, будто с чужого плеча. Голова — в серой кепке с коротким козырьком. Ноги — в белых брюках, слишком светлых для этой земли.

— Здорова, Сергеич! — сказал Гоша, узнав соседа с трёх участков вниз.

Человек не оторвался от трубы. Только что-то промычал в ответ — что-то вроде «Съчасф допю». И продолжал пить. Вода лилась ему на подбородок, на пиджак, на белые брюки — но он, казалось, не замечал этого. Или не хотел замечать.

Гоша стоял и смотрел, как Сергеич пьёт, и внутри у него росла тихая неловкость. Он хотел сказать ещё что-то — шутку, вопрос, — но язык не поворачивался. Вместо этого он заметил, что Сергеич стоит босиком.

Вода текла по трубе. Сергеич пил. И Гоша вдруг осознал, что не слышит, как тот глотает. Вообще никакого звука. Только струйка воды по металлу, и шуршание, и тишина.

Сергеич оторвался от трубы. Вытер рот рукавом. Улыбнулся. Зубы у него были жёлтые, но глаза — совершенно чистые, почти детские.

Сергеич работал завхозом по водоснабжению — следил за большим баком на горе, откуда вода по трубам расходилась по участкам для полива. Гоша часто здоровался с ним через забор: «Как дела?» — «Здорово!» — «А у тебя, Гошан?» — «Тоже норм». Гоша не знал про Сергеича почти ничего, но считал их отношения приятельскими. Сергеич всегда выглядел одинаково: серый пиджак, кепка, туфли-плетёнки. Всегда.

Когда Сергеич оторвался от трубы, он устался на Гошу, улыбнулся и положил руки на живот. Взгляд его был чистым и внимательным, как у ребёнка, который хочет, чтобы его похвалили.

— Сергеич, ты что, с бодуна — туфли потерял? — попытался пошутить Гоша. Он сам не знал, зачем сказал это. Просто стало неловко.

— Да нет, — ответил Сергеич легко. — Я закаляюсь. Меня так бабушка учила.

И тут же, не меняя выражения лица, он резко опустился на землю и начал отжиматься. Бодро, ритмично, словно заведённый. Белые брюки сразу покрылись пылью и травой, пиджак сполз с плеч, но Сергеич не обращал внимания. Гоша смотрел, как он прогибается в локтях, и считал про себя — раз, два, три... но сбился на четвёртом, потому что движения были слишком одинаковыми, слишком механическими. Как у маятника.

— Зачем вы отжимаетесь? — спросил Гоша, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Сергеич встал, не спеша отряхнул руки о бёдра и посмотрел на Гошу снизу вверх — хотя они были одного роста. И сказал просто:

— Зарядка. Да и доказать, что я в норме.

Он улыбнулся шире. Гоша увидел его зубы — жёлтые, но ровные, как у старого человека, который никогда не был у стоматолога, но природа подарила ему хороший ряд.

— Пойдём, Гошан. Я тебе воду сладкую дам. И посмотришь, какой у меня огород. Бабушка меня учила, знаешь, как землю любить? А я тебя научу.

Сергеич сделал шаг к воротам своего участка. Остановился. Повернул голову через плечо и замер.

— У меня выпить есть.

Для Гоши выпивка была больной темой. Одно время он «очень» любил выпить — до того, что воровал в магазинах алкоголь, пряча бутылки под куртку или футболку, когда денег совсем не водилось. Он помнил тяжесть стекла у живота, помнил холодный пот на спине, когда выходил из магазина. Чувство вины за то, что пьёт. Чувство вины за то, что ворует. И самый большой стыд — когда поймали.

Теперь он отошёл от привычки пить по многу. Но солнце пекло так, что плавился воздух, грабли были неудобными и тяжёлыми, а Сергеич — конечно, удивил его своим поведением. И Гоша вдруг подумал: а может, Сергеич тоже с бодуна, и хочет похмелиться, но не один?

— Я могу попить чай, — сказал Гоша, и тут же испытал стыд. Потому что понял: он сказал это так, будто уже согласился.

— Эх, чай-чаек! — воскликнул Сергеич, хлопнув себя по коленке ладонью. — Конечно у меня его банка. Оценишь мои посадки.

Он отошёл на пару метров, нагнулся к щели в заборе и вытащил оттуда свои туфли — аккуратно завернутые в белую тряпку. Надел их на босую ногу — прямо так, без носков, не стряхивая пыль. Туфли были такими же чистыми, как и его белые брюки.

— Пойдём, — сказал он и махнул рукой, будто приглашая к столу.

Гоша пошёл за ним. Он не знал, зачем. Может, из вежливости. Может, чтобы не показаться трусом. А может, потому что ему вдруг стало интересно — что за банка чая может быть у человека, который прячет обувь в заборе и пьёт воду не глотая.

Они прошли мимо старого деревянного сарая, мимо кустов сирени, которые уже начали вянуть от зноя. Гоша хотел было сказать что-то про погоду, но Сергеич шёл быстро, не оглядываясь, и Гоша заметил, что его шаги почти бесшумные — как будто он шёл по песку, хотя под ногами была плотная утоптанная земля.

Впереди показалась калитка. Она была обита старым жёстью, и на ней кто-то нарисовал белой краской странный узор — то ли крест, то ли цветок.

Сергеич толкнул её плечом, не прикоснувшись рукой, как будто так делал всегда.

— Заходи, Гошан. Не бойся. У меня тут тихо.

И, остановившись в проёме, он сунул руку в карман и достал оттуда три кусочка рафинада и фантик от конфеты «Коровка». Фантик он бросил на землю, один кусок сахара отправил в рот, а два оставшихся протянул на ладони Гоше.

— Будешь?

— Нет, спасибо.

Сергеич пожал плечами и выкинул эти два куска рафинада через плечо — не глядя, будто выбрасывал мусор. И уверенно шагнул в калитку.

Гоша шагнул за ним.

Участок оказался довольно большим, но чертовски «квадратным» — ровным, как лист бумаги. Вдоль забора росли деревья, густо и плотно, так что самого забора почти не было видно — сплошная стена из зелени, а за ней — кусты, ряды, снова кусты. Казалось, участок не кончается, но и не расширяется. Просто стоит и ждёт.

Посредине стоял дешёвый пластиковый стол — точь-в-точь как в придорожных забегах: белый, с продавленной столешницей. И такие же стулья. Даже зонтик был — в красно-белую полоску, выцветший, но всё ещё дающий тень.

— Садись, Гошан, — бросил Сергеич, не оборачиваясь. — Я сейчас.

Он скрылся в маленьком сарайчике с жестяной крышей. Гоша услышал, как там загремели банки — глухо, тяжело, будто кто-то переставлял консервы или стеклянные литровки. Потом лязг железа. Потом что-то налили.

Гоша сел на один из стульев. Пластик был горячим, почти обжигающим. Гоша отодвинул стул в тень зонтика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.